

— В ноябре я сдавал вступительные экзамены в аспирантуру, которые проводились ещё до защиты дипломных работ. Очень туго у всех шёл экзамен по истории КПСС - сплошные тройки, а то и завалы, но я почему-то сдал на "отлично". Так же на "отлично" и без особых усилий сдал экзамен по немецкому языку. А вот на экзамене по специальности (геофизика) слегка оплошал.

— Сдавал я заведующему нашей кафедрой, старейшине отечественных исследований по земному магнетизму и автору единственного учебного курса по этому предмету - Борису Михайловичу Яновскому, худому, высокому старику с обтянутым дряблой кожей черепом. Его все любили и уважали. Дикция у него от старости уже стала, мягко говоря, неважной, и лекции его слушать было трудно, но живость ума он сохранил.

— На экзамене мне попалось что-то из гравиметрии, теория Булларда происхождения постоянного геомагнитного поля и что-то лёгкое из курса Бориса Евгеньевича. Вместе с Яновским экзамен принимали Брюнелли и Пудовкин, приехавший из Лопарской. Так вот по теории Булларда - самому сложному вопросу - я что-то и напутал, чем огорчил Бориса Михайловича, так как это относилось к его предмету. Поставили мне четыре балла. Оценки, правда, полученные на вступительных экзаменах, ни на что не влияли. Нельзя было только "неуд" получить, так как конкурса не было - принимали только тех, кого направляли в аспирантуру по распределению.

— Оставался последний этап студенческой жизни - написание и защита дипломной работы. У меня уже были отобраны в ААНИИ магнитограммы ряда высокоширотных станций с отчётливыми случаями Pc-5, я обработал их, пересчитал периоды пульсаций в соответствующие им значения концентрации плазмы в экваториальной плоскости магнитосферы (на расстояниях в 5-10 земных радиусов от центра Земли) и получил значения, существенно ниже тех, которые получались у Обаяши и Гульельми, то есть то, что и нужно было.

— Вполне довольный собой и своими результатами я отнёс работу Борису Евгеньевичу для последней проверки перед защитой. Через несколько дней он вернул её мне и сказал, что нашёл элементарную арифметическую ошибку в моих расчётах, перечёркивающую все достижения моей дипломной работы.

— Я бросился проверять и убедился, что он прав. Самым убийственным было то, что Б.Е. довольно невозмутимо сказал мне:

— Знаете, Саша, а стоит ли Вам оставаться в аспирантуре, отрываться от семьи, которая живёт где-то в Ладушкине? Я думал, что у нас с Вами есть задел для кандидатской, и Вы сможете написать диссертацию в срок, то есть за время учёбы в аспирантуре. Теперь же на это трудно рассчитывать. Мы вернулись к тем же результатам, которые были получены Обаяши и Гульельми, и, по-видимому, на этом пути у нас вряд ли что нового выйдет - Ваша неудачная попытка об этом свидетельствует. Так что, может быть, Вам лучше устроиться в Ладушкине: там же хорошие условия для работы. Вы будете вместе с семьей, может быть, и диссертацию напишете. Подумайте об этом.

— Вот те раз. Руководитель от меня фактически отказывается!

— Что же делать?

— И прежде всего - а как же защищать дипломную работу? Исправив ошибку, я приходил фактически к тем же результатам, что и мои предшественники. Новизна состояла только в том, что мои расчёты концентрации плазмы строились на новом экспериментальном материале по Pc-5, который был обработан лично мной, и это уже позволяло считать работу самостоятельным научным трудом, но не настолько значительным, чтобы развивать его в диссертацию.

— Для защиты же диплома, по мнению Б.Е., и сделанного было достаточно. Я исправил ошибку, пересчитал всё, перестроил графики, изменил текст и выводы, которые теперь уже не содержали революционной новизны, - и всё это буквально за несколько дней до

защиты.

— На фоне других моя дипломная работа всё же выглядела вполне прилично, и защитил я её на "отлично". Рецензию на работу писал Александр Иванович Оль, старый друг-однокашник Бориса Евгеньевич, скромный косоглазый человек лет пятидесяти, недавно лишь защитивший кандидатскую. Он в своё время открыл геомагнитные пульсации, которые назвал "гигантскими", а по новой международной классификации они входили в тип Pс-5, которым я и занимался. Рецензия Оля была очень хорошей, несмотря на критическое отношение к моей работе моего научного руководителя, выступал я на защите бойко, и защита прошла внешне блестяще. Ну, а как же мне дальше-то быть?

— Мои друзья, Дима и Слава не советовали оставлять аспирантуру. Слава учился в аспирантуре у Б.Е. уже второй год и хорошо изучил своего и моего научного руководителя.

— Б.Е. не предвзят, - говорил он мне. - Это очень порядочный человек, и то, что сейчас он сурово к тебе отнёсся, не означает, что он не будет тебе помогать. В конце концов, в любом случае всё зависит от самого тебя, а не от него. Б.Е. только и хорош как критик, идей он тебе не даст, для этого нужно глубоко вникать в работу, а он этого делать не будет. Так что рассчитывать нужно на самого себя, независимо от того, хвалит ли сейчас твою работу Б.Е. или ругает. За три года многое изменится, в том числе и отношение Б.Е., работать только нужно.

— Славик, отдавая должное эрудиции Бориса Евгеньевича, не очень высоко ценил его как учёного, и, безусловно, несправедливо. Сказывалось, видимо, что Слава по отношению к себе не страдал излишней скромностью, сознавая значимость собственных способностей и научных достижений, которые, правда, и в самом деле были немалы на общем фоне нашей кафедры, а впоследствии и отечественной геофизики. В разговорах с Б.Е. он позволял себе такие обращения:

— Борис Евгеньевич! Ну когда Вы начнёте работать? У Вас моя статья уже неделю лежит, а Вы так ничего ещё и не сделали!

— Корректный Борис Евгеньевич спокойно реагировал на эти петушинные наскоки и извинялся перед Славой за задержку, даже если и не был в этом особо виноват, будучи завален другими делами. К Славе он относился хорошо, уважая его увлечённость в сочетании с работоспособностью, стремление к оригинальным решениям, что, в общем, и составляет талантливость.

— Дима же возмущался бесчеловечностью Б.Е.:

— Ну как это можно своему будущему аспиранту из-за какой-то там ошибки отрезать все надежды? Да он просто белены объелся, не обращай внимания.

— Дима, кстати, дипломную работу тоже делал у Б.Е. Его оставляли на кафедре старшим лаборантом у Б.Е. с окладом 80 рублей в месяц. На большее, скажем, на место инженера или младшего научного сотрудника выпускник, оставляемый в НИФИ, и не мог рассчитывать.

— Получив моральную поддержку от друзей, я пошёл к Б.Е. и заявил, что из аспирантуры уходить не хочу и, если он не будет возражать, постараюсь всё же сделать диссертацию, не меняя темы. Проблема несоответствия расчётов концентрации плазмы по периодам геомагнитных пульсации другим измерениям остаётся, и я буду её решать.

— Борис Евгеньевич сказал:

— Ну что ж, давайте.

— Окончание университета мы отпраздновали всей группой. Собирались на кафедре в аудитории для семинаров и заседаний кафедры, где нам читали и лекции по специальности. Пили вино, плясали и пели под гитару.

— Уезжали из Ленинграда только Дамир Хабибуллин, куда-то в Краснодарский край, просто учителем в сельской школе - для его здоровья главное было - климат, да Януш Неведомский возвращался в Польшу. Дима оставался на кафедре, я - в аспирантуре,

Танька Рассказчикова, Ирка Лизункова и Лида Мальцева распределились во ВНИИМ, Светка Силина и Ольга Дубатовка - по каким-то почтовым ящикам. Мишка Крыжановский - во ВСЕГЕИ, Толик Щербина - в Воейково, Валя Самошкина не нашла ещё себе места.

— Мы обещали не терять друг друга из виду, настроение у всех было весёлое, ржали, дурачились. Впереди была новая жизнь. Прощай, студенчество!

[\(продолжение следует\)](#)